

Теория и философия
политики, история
и методология
политической науки

В.О. Беклямишев

Фонд «История Отечества»,
105062 г. Москва, Российская Федерация

Концептуализация понятия «историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле

В статье рассматривается понятие «историческая аналогия», заимствованное из словаря современной политической лингвистики. В первом разделе автор характеризует различные подходы к анализу обозначаемого им феномена – когнитивного процесса, риторического приема и способа вербализации исторической идентичности. Во втором разделе рассматривается синонимичный термин «историческая метафора», расцениваемый автором как некорректный. В третьем разделе уделяется внимание теории прецедентности – базовой методологической рамке при изучении исторических аналогий в отечественной лингвистике. Отмечается, что прецедентные феномены из сферы истории не в полной мере отвечают традиционным критериям прецедентности, поскольку «считываются» лишь представителями определенного мнемонического сообщества и предполагают практически несводимую множественность соперничающих интерпретаций.

Ключевые слова: историческая аналогия, политический дискурс, коллективная память, политика памяти, политическое использование прошлого

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33046 Наставник_опн «Исторические аналогии как фактор восприятия политической реальности в молодежной среде».

© Беклямишев В.О., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Беклямишев В.О. Концептуализация понятия историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 84–95.

V.O. Beklyamishev

“History of the Motherland” fund,
Moscow, 105062, Russian Federation

Conceptualization of the concept of “historical analogy” in an interdisciplinary problem field

The article discusses the concept of “historical analogy”, borrowed from the dictionary of modern political linguistics. In the first part, the author characterizes various approaches to the analysis of this phenomenon as the cognitive process, the rhetorical method and the method of verbalization of historical identity. In the second part, the author discusses the synonymous term “historical metaphor”, regarded by the author as incorrect. The third part focuses on the “case theory” – the basic methodological framework for the study of historical analogies in Russian linguistics. It is noted that case phenomena from the sphere of history do not fully meet the traditional criteria of “case theory”, since they are “read” only by representatives of a certain mnemonic community and suggest an almost irreducible multiplicity of competing interpretations.

Key words: historical analogy, political discourse, collective memory, policy of memory policy, political using of past

Acknowledgments. The study was carried out with the financial support of the RFBS and the Autonomous Non-profit Organization EISR within the framework of the scientific project No. 19-011-33046 Mentor_opn “Historical analogies as a factor in the perception of political reality in the youth environment”

CITATION: Beklyamishev V.O. Conceptualization of the concept of “historical analogy” in an interdisciplinary problem field. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2019. № 4. Pp. 84–95. (In Russ.)

Значительная роль исторической аргументации в современном публичном дискурсе обуславливает неослабевающий интерес к ней. По замечанию политолога О.Ю. Малиновой, понятийный аппарат подобных исследований не отличается единообразием, т.к. специализация данного проблемного поля еще далека от своего завершения [10, с. 180]. В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к сравнительно развитому языку описания «риторики прошлого», выработанному современной политической лингвистикой.

Систематизировав различные дискурсивные стратегии в отношении «коллективного» прошлого, Л. Хонгтао и Р. Сварверуд разделили их на коммеморацию (продвижение определенной интерпретации исторического события в публичном пространстве), погружение современной проблемы в ее исторический контекст и проведение исторической аналогии [30, р. 359]. Предметом данной статьи является последний случай – на наш взгляд, наименее изученный в российской исследовательской традиции.

Отметим, что общепризнанного определения исторической аналогии на сегодняшний день не выработано. Например, хорватский политолог Д. Пехар определяет ее как «проекцию образа прошлого (источник) на образ настоящего или будущего (мишень)» [36, р. 117], а российский лингвист О.А. Солопова – как «эксплицитное или имплицитное сравнение прошлого и будущего, базирующееся на прецедентных именах и ситуациях» [18, с. 24].

В различных исследовательских текстах, корпус которых весьма обширен, также используется ряд синонимичных понятий: «историческая метафора», «прецедентное сравнение из сферы истории», «интертекстуальная метафора» и т.д. Вопрос о корректности их употребления применительно к историческим аналогиям будет рассмотрен нами позднее.

Традиция изучения исторических аналогий в зарубежной политической лингвистике достаточно обширна. Латвийская исследовательница Д. Джургелевиге выделяет в ней четыре магистральных направления: когнитивное, когнитивно-инструментальное, инструментальное и конструкционистское [31, р. 45]. Наибольшее развитие на сегодняшний день получил когнитивный подход, предметом которого является использование исторических аналогий в процессе принятия управленческих решений [16; 20].

Внимание к внеязыковым (ментальным) аспектам порождения и функционирования исторических аналогий побуждает исследователей-когнитивистов опираться прежде всего на социологический и психолингвистический инструментарий. Например, при анализе

воздействия аналогии между партиями-сателлитами НСДАП и современными немецкими ультраправыми партиями применялись методы опроса и социологического эксперимента [38]. Схожий эксперимент, в рамках которого представителям двух возрастных когорт предлагалось выбрать между аналогиями «Вьетнам» и «Вторая мировая война» применительно к военной кампании США в Ираке, был осуществлен ранее американскими социологами [37].

Определенной популярностью среди когнитивистов пользуется компаративный анализ. Путем сопоставления публичных выступлений и мемуарных источников, объединенных авторством одного лица (как правило, политического деятеля), уже постфактум осуществляется демаркация его когнитивных аналогий (лежащих в основе принятия решений) и тропов, используемых им лишь в целях воздействия на аудиторию [32].

Отметим, что сторонники когнитивно-инструментального подхода не придерживаются разделения на этапы индивидуального мышления по аналогии и использования аналогий в процессе публичной коммуникации. Обобщающее исследование когнитивно-инструментальных функций исторической аналогии проведено шведскими исследователями А. Брендстрем, Ф. Байнандером и П. Хардтом [23, р. 194]. Полученные ими результаты кратко представлены в таблице 1.

Таблица 1

Когнитивные и когнитивно-инструментальные функции исторических метафор

Функция	Механизм и способ воздействия	Индикаторы
1. «Фильтр»	Механизм: спонтанный; когнитивный Воздействие: предоставление готового исторического «сценария», который помогает тем, кто принимает решение, разобраться с текущим кризисом (проблемой)	Наличие совместно выработанных исторических аналогий, высказанных в рамках причинно-следственного рассуждения (дискуссии)
2. «Учитель»	Механизм: целенаправленный; когнитивный или инструментальный (в зависимости от площадки и аудитории). Воздействие: предоставление исторического «сценария» как набора руководящих принципов, определяющих, как надлежит действовать в данной ситуации	Присутствие исторических аналогий в рамках декларации целей (в процессе обсуждения и/или в стандартных рабочих процедурах исполнительных органов)

Окончание табл. 1

Функция	Механизм и способ воздействия	Индикаторы
3. «Тюрьма»	Механизм: спонтанный; когнитивный или инструментальный. Влияние: фреймирование, т.е. преждевременное сужение спектра вариантов способа действия	Непропорционально частое повторение и/или чрезмерно (неуместно) обобщенное употребление исторической аналогии
4. «Слепое пятно»	Механизм: спонтанный или целенаправленный; когнитивный Влияние: дискурсивное ограничение: «забытые» аналогии, вынесенные политическими акторами «за скобки»	Заметное отсутствие в текстах политиков конкретных аналогий (предполагается, что аналитик знает о возможных альтернативных аналогиях)
5. «Оружие»	Механизм: целенаправленный; инструментальный. Влияние: средство политического убеждения, воздействия и легитимации, которое акторы используют во время взаимодействия с другими сторонами в процессе принятия решений	Аналогия используется только при общении с «восприимчивой» аудиторией сторонников и не используется на других площадках (используется там, где «санкционирована» большинством публики)
6. «Травма»	Механизм: спонтанный; когнитивный/эмоциональный Влияние: аналогия с крайне острыми эпизодами прошлого, которые являются «оголенным нервом» в памяти сообщества (и самих лиц, принимающих решения). При употреблении аналогия повышает уровень стресса и может затмить многие другие соображения	Широкое использование «эмоционального» языка и символических жестов. Демонстрируется озабоченность наихудшими сценариями и моральными издержками

Предметом конструкционистского подхода, в свою очередь, являются исторические идентичности, вербализируемые через употребление тех или иных исторических аналогий [21]. Применение сравнительных конструкций, базирующихся на прецедентных ситуациях из «коллективно-го» прошлого, – «основная часть национального нарратива и национального самосознания», – утверждает, в частности, Д. Пехар [36, р. 120]. Показательным примером здесь служит аналогия «крестоносцев». В польском медиадискурсе она конструирует стереотипно окрашенный образ «немцев» [40, р. 516], а в турецком – маркирует цивилизационный конфликт по линии «Восток–Запад» [22, р. 54].

В русле конструкционистского подхода, на наш взгляд, может рассматриваться и «дискурсивная теория метафоры», разработанная немецкими лингвистами Й. Вальтером и Й. Хельмигом. «Речевые акты, неотъемлемым компонентом которых являются метафоры, включаются в дискурсы, которые могут быть соответственно проанализированы и деконструированы» [39, р. 119], – подчеркивали Вальтер и Хельмиг, описывая преимущества своего метода. «Но только комбинированный анализ дискурсов и метафор способен привести к всестороннему пониманию социальной конструкции реальности» [Там же].

В основе данного подхода лежит утверждение, что «конкретные дискурсы допускают только конкретные метафоры» [39, р. 126]. Развивая эту логику, отметим, что профессиональные историки «благоразумно воздерживаются» от исторических аналогий [5, с. 26], тогда как политический дискурс «строится так, будто история и извлеченный из нее опыт могут служить руководством для действий в настоящем» [11, с. 12]. Более того, (не)употребление исторических аналогий эффективно маркирует «границы» сегментов внутри самого политического дискурса. Не случайно американский социолог Р. Пэрис, изучавший стенограммы дебатов в Конгрессе США, выявил, что использованию каждой исторической аналогии предшествовал спор сторон об ее оценочных смыслах и об уместности ретроспективных сравнений в целом [35, р. 425].

Как отмечалось нами ранее, ряд авторов подменяет понятие исторической аналогии термином «историческая метафора» [27; 29]. Предполагаем, что это связано со сходством между исторической аналогией и структурной метафорой, под которой Дж. Лакофф и М. Джонсон понимали «те случаи, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого» [9, с. 35]. Об этом, в частности, свидетельствует предположение финской исследовательницы Й. Хелльстен, согласно которому «при непрерывном использовании исторические метафоры превращаются в структурные» [29, р. 124]. Не разделяя этой точки зрения, подчеркнем, что отличия исторической аналогии от структурной метафоры носят принципиальный характер.

Во-первых, сфера-источник структурной метафоры задает «телесный опыт индивида», а не «абстрактные концептуальные структуры» (к которым относятся культурный опыт и коллективная память) [33, р. 268].

Во-вторых, у исторической аналогии как сфера-источник, так и сфера-мишень принадлежат одному домену («within-domain»), тогда как структурная метафора предполагает проекцию между различными концептуальными доменами («between-domain») [28, р. 275].

В-третьих, структурные метафоры обращаются к сфере-источнику, которая находится «вне времени и пространства», тогда как исторические

анalogии – это отношения между пространствами, имеющими указанные («deictic») координаты [24, p. 149].

Кроме того, немецкий лингвист Й. Цинкен, относящий исторические аналогии ко множеству интертекстуальных метафор, отмечал, что последние функционируют независимо от структурных, выполняя при этом различные функции. Одни служат для интерпретации «социальных аспектов» рассматриваемого феномена, другие – помогают интерпретировать «базовые понятия» [40, p. 519]. Например, в дискурсе русских националистов начала XX в. отношения между национальностями сопоставляются с войной (т.н. «милитарная» структурная метафора), но «не просто с войной, а с войной конкретной: польско-шведской интервенцией (1610–1612 гг.), Батыевым нашествием, Отечественной войной 1812 г. и т.д.» [4, с. 27]. Иными словами, через проведение исторической аналогии структурированный метафорой базовый концепт – «противостояние» – обретает дополнительные «социальные» коннотации: «угроза основам государственности», «сплочение нации перед лицом врага», «трудная, но неизбежная победа» и т.д. Приведенные аргументы побуждают нас призвать к отказу от понятия «историческая метафора» как вводящему в заблуждение.

Вместе с тем, отметим, что попытки разграничить исторические метафоры и исторические аналогии предпринимаются исследователями до сих пор. В частности, по мнению американского социолога Г. Мэлларда, историческая метафора предполагает прямое уподобление современной ситуации с ситуацией из прошлого, а историческая аналогия – наличие указания на непреодолимые различия между образом прошлого и его современным «аналогом» [34, p. 558].

Кроме того, историческая метафора представляет собой «отношение подобия между двумя случаями» ($A \rightarrow B = A_1 \rightarrow B_1$), а историческая аналогия – «отношение подобия между набором отношений в двух случаях» ($A \rightarrow B \approx C \rightarrow D$). Так, в приведенном Мэллардом примере аналогии (популярной у проамериканского ближневосточного политикума) современный Ближний Восток уподобляется средневековой Европе, а его «образ будущего» – современному Европейскому Союзу [34].

Традиционно невысокий интерес российских политических лингвистов к историческим аналогиям обусловлен тем, что в отечественной исследовательской традиции подобные случаи, как правило, рассматриваются в русле лингвокультурологической теории прецедентности [1; 12; 13; 15]. Предметом последней выступают прецедентные феномены – «готовые интеллектуально-эмоциональные блоки», знакомые подавляющему большинству членов определенного лингвокультурного сообщества и помогающие его представителям ориентироваться в ментальном и вербальном пространстве [6, с. 220].

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о крайне невысокой частоте встречаемости исторических аналогий в русскоязычном публичном дискурсе. Так, М.Н. Крылова, рассмотревшая более 6 тыс. текстов, выявила «исторические» прецедентные феномены лишь в 1% от всего массива [8, с. 32]. Исследование, выполненное на материале региональной прессы, подтвердило их встречаемость лишь в 5% случаев среди всех выявленных [19, с. 106].

Вместе с тем, следует отметить, что «исторические» прецедентные имена размещаются преимущественно «в заголовках, лидах, первом и последнем разделах текстов, а также в текстах под фотографиями газетных статей» [40, р. 509]. Перечисленные позиции относят к «сильным позициям», оказавшись в которых троп «организует всю метафорическую систему текста и поэтому представляет особый интерес для исследования» [7, с. 152].

Теория прецедентности, безусловно, демонстрирует определенные параллели со многими современными подходами в русле «memory studies». Достаточно обратить внимание на постулируемую ею связь между коммуникативной, индивидуальными мнемоническими процессами и коллективной памятью («когнитивной базой», в терминологии В.В. Красных). С одной стороны, историческое событие отражается в коллективной памяти «не в полноте своих характеристик», а лишь как «основное действие» [2, с. 33], т.е. как прецедентная ситуация. С другой стороны, использование прецедентной ситуации для проведения аналогий впоследствии «освежает и усиливает» память о соответствующем событии [25, р. 345].

По замечанию лингвиста Д.Б. Гудкова, «исторические» прецедентные ситуации, основанные на реальных и вымышленных прототипах, не должны разделяться исследователями при анализе: «Реальной ситуацией мы называем как, например, переход Суворова через Альпы, так и убийство Тарасом Бульбой своего сына» [3, с. 41]. Приведенный тезис, на наш взгляд, вполне созвучен процессу-реляционной теории Дж. Олика, подчеркивавшего «вплетенность» коллективной памяти «в конstellации других смыслов культуры» [17, с. 44].

Высоко оценивая потенциал теории прецедентности, вынуждены отметить ряд ее слабых мест при описании непосредственно исторических аналогий. Одним из важнейших критериев прецедентности является считываемость «при минимальном уровне эрудиции» [3, с. 41]. Тогда как прецедентные феномены из сферы истории, во-первых, «считываются» лишь представителями определенного (зачастую, очень узкого) мнемонического сообщества, а во-вторых, предполагают заведомо несводимую множественность соперничающих интерпретаций. Даже поверхностный анализ употребления прецедентного имени «Наполеон»

в русскоязычных СМИ продемонстрировал семь совершенно различных подходов к его восприятию [14, с. 109–111]. Все это, безусловно, существенно усложняет экстраполяцию исследовательских выводов, полученных в результате анализа «исторических» прецедентных феноменов на небольшом корпусе текстов.

В заключение отметим, что применение методов политической лингвистики позволяет не только повысить качество анализа «риторики прошлого», но и побуждает ставить новые исследовательские вопросы в ее отношении. Примером здесь служит описанное нами понятие «историческая аналогия», объединяющее под собой индивидуальный когнитивный процесс, акт вербализации исторической идентичности и маркер конкретного сегмента политического дискурса. Полагаем, что дальнейшие эмпирические исследования данного феномена с опорой на обширный массив политических текстов позволят существенно обогатить отечественные «memory studies».

Библиографический список / References

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Исторические прецедентные феномены как медийный манипулятивный инструмент // Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии. М., 2017. С. 160–167. [Ableev S.R., Kuz'minskaya S.I. Historical case phenomena as a media manipulative tool. *Tsivilizatsionnyj suverenitet Rossii: problemy i diskussii*. Moscow, 2017. Pp. 160–167. (In Russ.)]
2. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. № 48 (2). С. 29–40. [Artamonova Yu.D. To the question of the mechanisms of historical memory. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2018. № 48 (2). Pp. 29–40. (In Russ.)]
3. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. Вып. 11. М., 2000. С. 40–46. [Gudkov D.B. Precedent situation and ways to update it. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Vol. 11. Moscow, 2000. Pp. 40–46. (In Russ.)]
4. Дулесов Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. // Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск. Интегративные процессы в диалоге. Ижевск. 2016. С. 24–30. [Dulesov E.P. Military metaphor in the discourse of Russian nationalists of the early XX century. *Yazyk i literatura v nauchnom dialoge. Integrativnyye protsessy v dialoge*. Izhevsk, 2016. Pp. 24–30. (In Russ.)]
5. Иллерицкая Н.В. История и политология: траектория презентизма // Вестник РГГУ. Сер.: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2009. № 1. С. 20–28. [Illeritskaya N.V. History and Political Science: the path of presentism. *Vestnik RGGU. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. 2009. № 1. Pp. 20–28. (In Russ.)]

6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. [Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow, 2003.]
7. Колотина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. [Kolotina E.V. Metaforicheskoe modelirovanie dejstvitel'nosti v russkom i anglijskom ehkonomicheskom diskurse [Metaphorical modeling of reality in Russian and English economic discourse]. PhD diss. Ekaterinburg, 2001.]
8. Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // Русская речь. 2017. № 6. С. 31–35. [Krylova M.N. "Silent like a partisan". Case studies from the sphere of history. *Russkaya rech'*. 2017. № 6. Pp. 31–35. (In Russ.)]
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, 2004. (In Russ.)]
10. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. № 8 (4). С. 179–204. [Malinova O.Yu. The political use of the past as an instrument of symbolic politics: The evolution of the discourse of the ruling elite in post-Soviet Russia. *Politicheskaya ehkspertiza*. 2012. № 8 (4). Pp. 179–204. (In Russ.)]
11. Малинова О.Ю. Темпоральность и другие свойства символического в политике // Символическая политика. 2014. № 2. С. 5–17. [Malinova O.Yu. Temporality and other properties of the symbolic in politics. *Simvolicheskaya politika*. 2014. № 2. Pp. 5–17. (In Russ.)]
12. Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 2. С. 12–19. [Nakhimova E.A. The names of Russian tsars as a precedent field in modern Russian media. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2009. № 2. Pp. 12–19. (In Russ.)]
13. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 48–55. [Nakhimova E.A. The case name Kerensky in modern domestic media. *Politicheskaya lingvistika*. 2008. № 1 (24). Pp. 48–55. (In Russ.)]
14. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 107–114. [Nakhimova E.A. The case name of Napoleon in the Russian media. *Politicheskaya lingvistika*. 2007. № 23. Pp. 107–114. (In Russ.)]
15. Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2008. Т. 60. № 24. С. 118–126. [Nakhimova E.A. The precedent field "The Time of Troubles" in modern media. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2008. T. 60. № 24. Pp. 118–126. (In Russ.)]
16. Нойштадт Р., Мэй Э. Современные размышления о пользе истории для тех, кто принимает решения. М., 1999. [Neustadt R., May E. *Sovremennye*

- razmyshleniya o pol'ze istorii dlya tekhn, kto priminaet resheniya [Thinking in time: The uses of history for decision makers]. Moscow, 1999. (In Russ.)]
17. Олик Дж. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. Д. Хлевнюк // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–74. [Olick J.K. Figurations of memory: A process-relational methodology illustrated on the German case (translation into Russian D. Khlevnyuk). *Sociological Review*. 2012. № 1. Pp. 40–74. (In Russ.)]
  18. Солопова О.А. Будущее России в экспортном исполнении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Лингвистика». 2012. № 2 (261). С. 22–28. [Solopova O.A. The future of Russia in export performance. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika*. 2012. № 2 (261). Pp. 22–28. (In Russ.)]
  19. Силантьева В.Н. Происхождение прецедентных текстов // Вестник Алтайского государственного университета. 2010. № 2 (50). С. 106–111. [Silant'eva V.N. The Origin of Case Texts. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 2 (50). Pp. 106–111. (In Russ.)]
  20. Улбутов Д.И., Крот Н.С. Определение исторических аналогий как показатель сформированности исторического мышления старшеклассников // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. С. 77–91. [Ulbutov D.I., Krot N.S. Definition of historical analogies as an indicator of the formation of historical thinking of high school students. *Pedagogy and Psychology of Education*. 2019. № 1. Pp. 77–91. (In Russ.)]
  21. Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square. *Research in Economics*. 2017. № 71. Pp. 8–19.
  22. Aydın-Düzgüt S. De-Europeanisation through discourse: A critical discourse analysis of AKP's election speeches. *South European Society and Politics*. 2016. № 21 (1). Pp. 45–58.
  23. Brändström A., Bynander F., Hart P. Governing by looking back: Historical analogies and crisis management. *Public Administration*. 2004. № 82 (1). Pp. 191–210.
  24. Chilton P. Analyzing political discourse: Theory and practice. L.; N.Y, 2004.
  25. Chin-Chuan L., Hongtao L., Francis L. Symbolic use of decisive events: Tiananmen as a news icon in the editorials of the elite U.S. press. *Harvard International Journal of Press and Politics*. 2011. № 16 (3). Pp. 335–356.
  26. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: The Case of the «Common European House». *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4 (1). Pp. 7–31.
  27. Delouis A. When history becomes a metaphor for the present and the future: Recent far-right discourse about immigration in the UK. *Lexis*. 2014. № 8. URL: <https://journals.openedition.org/lexis/205>.
  28. Ghilani D., Luminet O., Flassbeck C. et al. Looking forward to the past: An interdisciplinary discussion on the use of historical analogies and their effects. *Memory Studies*. 2017. Vol. 10. Pp. 274–285.
  29. Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism. *Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research*. Tartu, 1997. Pp. 121–141.
  30. Hongtao L., Svarverud R. When London hit the headlines: Historical analogy and the Chinese media discourse on air pollution. *The China Quarterly*. 2018. № 234. Pp. 357–376.

31. Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese. *Politologija*. 2011. № 2 (62). Pp. 43–73.
32. Khong Y. Analogies at war: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. N.Y., 1992.
33. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, L., 1987.
34. Mallard G. From Europe's past to the Middle East's future: The constitutive purpose of forward analogies in international security. *American Journal of Cultural Sociology*. 2018. Vol. 6. Issue. 3. Pp. 532–562.
35. Paris R. Kosovo and the metaphor war. *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. № 3. Pp. 424–451.
36. Pehar D. Historical rhetoric and diplomacy – an uneasy cohabitation. *Language and Diplomacy*. 2001. Pp. 117–138.
37. Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war. *American Sociological Review*. 1992. № 57. Pp. 315–326.
38. Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., et al. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right. *Social Influence*. 2014. № 9 (4). Pp. 300–317.
39. Walter J., Helmig J. Discursive metaphor analysis: (de)construction(s) of Europe. *Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World*. L., 2008. Pp. 119–131.
40. Zinken J. Ideological imagination: Intertextual and correlational metaphors in political discourse. *Discourse & Society*. 2003. Vol. 14 (4). Pp. 507–523.

Статья поступила в редакцию 16.12.2018, принята к публикации 14.01.2019
The article was received on 16.04.2018, accepted for publication 14.01.2019

Сведения об авторе / About the author

Беклямишев Владимир Олегович – ведущий координатор проектов, фонд «История Отечества», г. Москва

Vladimir O. Beklyamishev – lead project coordinator, "History of the Motherland" fund, Moscow

E-mail: beklyamishev@yandex.ru